

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

«Автор»

2026

Комолова Л.

Я хочу чтобы ты плакала / Л. Комолова — «Автор», 2026

Потеряв родителей, Джесс находит приют в сердце Монтаны у своего деда. Единственным лучом света в мрачном мире становится Кайл — парень, который понимает её с полуслова. Но то, что случилось тем летом, разрушило не только их юную любовь, но и жизни вокруг. Спустя годы они встречаются вновь, чтобы либо добить друг друга, либо наконец простить. Но злая шутка судьбы оказалась слишком жестокой...

© Комолова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Любовь Комолова

Я хочу чтобы ты плакала

Глава 1

Безмолвное чувство одиночества поедает изнутри душу каждого из нас — даже когда мы окружены толпой людей. Переживать это чувство приходится изо дня в день. И как бы ни пытался настроить себя на мысль, что ты вроде и не один, всё равно в жизни наступают моменты, когда это чувство прожигает грудную клетку.

В моём случае я была одна почти с самого детства. Всё началось, когда не стало моих родителей. Это было 15 лет назад, когда мне было девять. Как сейчас помню ту дождливую осень в Чикаго — даже зонт, резиновые сапоги и дождевик не спасали от пронизывающей сырости. Капли стучали по капюшону, улицы казались бесконечно пустыми, и каждый шаг отдавался в груди глухой тишиной, которой раньше я не замечала. Тогда я впервые по-настоящему поняла, что значит остаться наедине с собой — и как страшно, когда некому просто сказать: «Всё будет хорошо».

Моя жизнь тогда поделилась на «до» и «после». Мама, папа и я ехали с дня рождения кузины Келли Морган — с папиной стороны. Дождь лил как из ведра, потоки воды стекали по стёклам, будто мир за пределами машины растворялся в серой пелене. Музыка в машине играла громко — кажется, папа специально включил её, чтобы перекрыть этот бесконечный стук капель, заглушить тревожное ощущение, что дорога стала врагом. А дороги и правда не было видно даже за десять метров: фары выхватывали лишь узкие островки мокрого асфальта, и эти островки казались такими хрупкими, словно их вот-вот смоем очередной волной ливня.

Я сидела на заднем сиденье и отвлекалась на игрушку — зайчика. Его мягкая шерстка уже порядком истрепалась, но я всё равно крепко прижимала его к себе, зарываясь носом в ткань, которая пахла домом и уютом. В тот момент он был моим маленьким щитом от всего, что творилось снаружи. Я смотрела в окно, где дождь рисовал на стекле бесконечные косые линии, и думала, что если держаться за зайчика посильнее, то всё обязательно будет хорошо.

А потом всё изменилось в один миг. Резкий звук, скрежет, толчок, от которого меня швырнуло вперёд, хотя ремень удерживал крепко. Музыка оборвалась посреди фразы, и вместо неё в уши ворвался вой ветра, грохот ливня и чей-то крик — кажется, мамин. В ту секунду время будто раскололось: до этого мгновения я была просто девочкой, которая ехала домой с праздника, а после — стала той, кто остался один на один с тишиной, которая теперь звучала совсем по-другому.

Когда всё стихло, в машине повисла странная, тяжёлая тишина, нарушаемая только стуком дождя по крыше. Я не сразу поняла, что произошло. Помню, как тихо позвала маму, потом папу, а в ответ — ничего. Только этот бесконечный дождь, будто он смывал не только дорогу, но и всё, что было раньше. И тогда я впервые почувствовала, как одиночество не просто приходит — оно врывается в жизнь, переворачивая её с ног на голову, оставляя после себя пустоту, которую ничем не заполнить.

Тогда я осталась одна. Так я думала, вернее, хотела думать. После похорон началось самое ужасное. Сначала меня хотели пристроить в детский дом. Мой незрелый мозг вообще не понимал, что это такое и что там меня ждёт, — я вообще думала, что это какойто лагерь,

вроде тех, куда родители обычно отвозили меня на лето. И вот, когда опека уже начала собирать необходимые документы, в Чикаго приехал мой дедушка Роберт, мамин отец.

Он всячески оспаривал решение суда, уверял, что справится с моим воспитанием. Нанимал юристов, ходил на заседания, не сдавался ни на минуту — и всё же выиграл дело. Так я оказалась в Монтане, на его ферме. Там пахло сеном и дождём, скрипели старые доски, а по утрам меня будило ржание лошадей. Я училась держаться в седле, кормить жеребят, различать травы и понимать, о чём шепчет ветер в высокой траве. Про старую школу, друзей, знакомые улицы и витрины магазинов мне пришлось забыть. Это было не просто «переехать» — это было стереть целую жизнь и начать писать новую с пустой страницы.

Однажды, когда мне было четырнадцать, я каталась верхом на жеребце по полю. Ветер трепал волосы, земля гулко отдавалась под копытами, и весь мир казался огромным, свободным и немного диким. У озера я заметила мальчишку и высокого бородатого мужчину лет сорока. Мальчишка стоял чуть впереди, будто хотел шагнуть к воде, а мужчина держал его за плечо — не грубо, но твёрдо, словно удерживал от чего-то. Я предположила, что это его отец, хотя борода сильно старила мужчину, придавая ему вид человека, который слишком много видел и слишком долго молчал.

Я натянула поводья и остановилась в тени ивы, будто боялась спугнуть этот чужой, но такой живой момент. Мальчишка что-то резко сказал, взмахнул рукой, мужчина ответил спокойно, почти тихо — и в этой тишине между ними чувствовалось что-то большее, чем просто разговор. Может быть, привычная близость, которую не нужно подтверждать словами. А может, тяжёлый разговор, который тянется уже давно.

В ту секунду я вдруг остро почувствовала, как мне не хватает такого же тихого, уверенного голоса рядом — того, который не кричит, а просто говорит: «Я здесь, ты не одна». Я смотрела на них и думала, что, наверное, именно так и выглядит семья: не идеальная, не всегда спокойная, но настоящая. И в груди что-то сжималось от тоски и одновременно от робкой надежды — может быть, и у меня когда-нибудь будет кто-то, кто вот так же просто будет стоять рядом, даже если вокруг снова будет лить дождь.

Рядом с ними стояли красивые стройные лошади. Видимо, они остановились, чтобы напоить их водой. Я следила за происходящим, как будто агент на секретном задании, но меня выдал мой жеребец — он вдруг фыркнул, встряхнул гривой и сделал шаг вперёд, будто решил, что прятаться больше не имеет смысла.

Мальчик и мужчина обернулись в мою сторону, и уже скрываться не было смысла. Они оглянулись и смотрели прямо на меня. А мальчик робко и как будто дружелюбно помахал мне рукой, указывая, чтобы я шла к ним. Я стояла минут пять, а может, и десять, вцепившись в поводья так, что пальцы побелели. Внутри всё сжималось от неловкости: я привыкла держаться в стороне, не лезть к чужим людям, не искать чужого внимания.

Тогда мужчина крикнул: «Может, твоя лошадь тоже хочет пить?» И знаете, каково было моё удивление — мой жеребец сам пошёл по направлению к озеру. Я не смогла его остановить: он будто точно знал, что сейчас ему туда надо, и тянул меня за собой, не оставляя выбора.

Я подобралась поближе и встала в пяти метрах от незнакомцев, всё ещё не решаясь подойти вплотную. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в голове крутилась одна мысль: «Зачем я вообще сюда поехала? Почему не развернулась и не поехала обратно?»

— Сегодня жаркая погода, озеро как нельзя кстати, чтобы утолить жажду, — тихо сказал мужчина, но в его голосе не было ни насмешки, ни раздражения — только спокойная, привычная доброта, какая бывает у людей, которые много времени проводят на природе и умеют говорить с миром тихо, без спешки.

Он слегка наклонил голову, будто хотел показать, что не собирается меня пугать, и добавил:

— Ты тут часто бываешь? У нас тут тропа вдоль берега, мы по ней каждый раз ходим, когда лошадей выводим.

Я только кивнула, не сразу найдя слов. Мальчик тем временем подошёл чуть ближе, не сводя с меня глаз, но без напора — скорее с любопытством, как будто пытался понять, кто я такая и почему стою так осторожно, будто в любой момент готова сорваться и умчаться прочь.

— Меня зовут Кайл, — сказал он вдруг, словно решив, что молчание тянется слишком долго. — А это мой дядя Сэм. Он меня учит с лошадьми обращаться.

Дядя Сэм чуть улыбнулся и кивнул, будто одобряя, что племянник взял разговор в свои руки.

— А тебя как зовут? — спросил Кайл, и в этом простом вопросе не было ничего лишнего — только искреннее желание познакомиться.

И в тот момент, стоя у кромки воды, слушая тихий плеск волн и фыркание лошадей, я вдруг почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть оттаивает. Не сразу, не до конца, но достаточно, чтобы губы сами собой дрогнули в слабой улыбке, и я смогла наконец выдохнуть и тихо сказать:

— Меня зовут Джес, Джессика, — тихо поправила я, будто сама привыкала к этому имени. На ферме дедушка иногда звал меня так — говорил, что Джессика звучит повзрослому, твёрдо, будто у человека уже есть своя история.

Я медленно слезла с лошади и подошла к воде, чтобы помыть руки и немного обмокнуть лоб. От прохлады по коже пробежали мурашки, и на мгновение всё вокруг будто стало чуть яснее: запах травы, влажный воздух, тихий плеск у берега. Я провела ладонью по лицу, стряхивая остатки той неловкости, что сковывала меня ещё минуту назад, и посмотрела на них — на мальчика, который не сводил с меня глаз, и на мужчину, который старался выглядеть строгим, но в его взгляде не было холода.

— Ты где-то недалеко живёшь? — снова спросил Кайл. Мальчик был достаточно любопытным, и в этом не было ничего злого — скорее, ему просто хотелось зацепиться за любую ниточку, чтобы разговор не оборвался, чтобы я не ушла так же тихо, как появилась.

— Не донимай девчонку, — осадил его Сэм, но голос у него прозвучал не резко, а скорее устало, будто он тысячу раз повторял эту фразу и уже смирился, что любопытство не унять одним словом. Он шагнул чуть вперёд, словно хотел заслонить собой эту неловкость, и добавил уже мягче: — День жаркий, да и место тут тихое. Мало кто сюда заходит, вот он и удивляется.

Кайл насупился, но не обиделся — просто поджал губы, будто пытался удержать ещё десяток вопросов, которые так и рвались наружу. Он покосился на меня, потом на дядю, будто проверял, можно ли ещё что-то спросить, но, увидев спокойный, но твёрдый взгляд Сэма, опустил глаза и принялся ковырять носком сапога влажную землю.

Я улыбнулась — не широко, не так, будто всё сразу стало легко, а едва заметно, как будто проверяя, не сломается ли эта хрупкая тишина.

— Я живу на ферме у дедушки Роберта, — сказала я, сама удивляясь, как спокойно прозвучали эти слова. Раньше мне не хотелось никому рассказывать про себя, про то, как всё изменилось, про переезд, про новую жизнь, в которой я всё ещё чувствовала себя гостьей. Но здесь, у озера, под шелест ветра и фыркание лошадей, это не казалось чем-то слишком личным. — Он разводит лошадей. Ну, и вообще... там много дел.

Сэм кивнул, будто это объяснение всё расставило по местам.

— Роберт... Знаю такого. Хороший человек. У него гнедой жеребец, верно? Тот, что прошлым летом чуть не унёс новичка с конюшни?

Я кивнула, и от этого простого совпадения — что кто-то знает моего дедушку, что этот мир, оказывается, не такой уж огромный и чужой — внутри стало чуть теплее.

— Ага, — прошептала я. — Это Гром. Он... ну, он громкий. И быстрый.

Кайл вдруг поднял голову, и в его глазах снова вспыхнуло любопытство, но теперь оно было не таким острым — скорее, заинтересованным.

— А ты на нём катаешься? — спросил он, уже не пытаясь скрыть восторг. — Он же огромный! Я бы, наверное, испугался.

Я пожала плечами, чувствуя, как напряжение понемногу уходит.

— Сначала боялась, — призналась я. — А потом поняла, что если держаться крепко и слушать, что он делает, то всё нормально. Он не злой, просто... сильный.

Сэм чуть улыбнулся, будто оценил эти слова, и кивнул, как будто я сказала что-то правильное, взрослое.

— Это самое главное, — проговорил он спокойно. — Лошадь чувствует, когда её боятся, а когда с ней разговаривают. Ты молодец.

И в тот момент, стоя у воды, слушая, как Кайл начинает что-то быстро рассказывать про свою первую попытку оседлать пони, я вдруг поняла, что впервые за долгое время не чувствую себя чужой. Не той, которую нужно куда-то пристроить, не той, кто просто «остался один», а просто девочкой у озера, которая говорит про лошадей и про лето, и которой не нужно ничего объяснять.

Через пару дней к нам на ферму нагрянули гости. Это был Сэм и Кайл. Как оказалось, у них соседняя ферма — всего в полчаса езды по просёлочной дороге, если не срезать через овраг. Роберт давно знался с Сэмом: они вместе участвовали в местных конных соревнованиях, помогали друг другу в тяжёлые зимы, когда корма едва хватало, и даже в ссорах умудрялись сохранять уважение.

Дед пригласил гостей на чай, усадил за деревянный столик около высокого дуба — того самого, под которым бабушка Гвен когда-то развешивала сушиться травы. Тени от ветвей ложились на столешницу причудливыми узорами, и казалось, будто время здесь течёт медленнее. Мне дед велел принести мёд, только что испечённый хлеб и фарфоровый сервиз, который бабушка покупала лет двадцать назад. Роберт хранит его как единственное напоминание о Гвен после того, как её не стало: на чашках — тонкие золотые ободки и едва заметные розовые цветы, такие хрупкие, что, кажется, одно неловкое движение — и они исчезнут, как и всё, что осталось от прежней жизни.

Мы принялись пить чай. Разговор шёл неторопливо: про погоду, про то, как нынче рано зацветает клевер, про жеребёнка, которого Сэм недавно взял в обучение. Кайл ел хлеб с мёдом так, будто это самое вкусное, что он пробовал в жизни, и время от времени поглядывал на меня, будто ждал, когда я снова заговорю.

После того как мы с Кайлом наелись, мне пришла в голову мысль показать мальчику Грома. Мы зашли в конюшню. Пахло сеном, тёплой шерстью и чутьчуть — смолой: дед недавно чинил перегородку. В полумраке стояла Гром стоял, слегка наклонив голову, будто прислушивался к нашим шагам.

— Гром очень умный конь, но своенравный, — тихо сказала я, чтобы не спугнуть его. — Дедушка не всегда разрешает к нему подходить, когда я одна. Говорит, что у Грома свой характер, и его нужно уважать. Но иногда я нарушаю его запреты. Прихожу и расчёсываю ему гриву. Он сначала фыркает, будто недоволен, а потом замирает и даже чуть наклоняет голову, будто ему приятно.

Кайл замер, не сводя глаз с жеребца, и прошептал:

— Он такой огромный... А он не укусит?

Я улыбнулась и покачала головой:

— Если не делать резких движений — нет. Он скорее толкнёт носом, чтобы показать, кто тут главный.

Я подошла ближе, протянула ладонь, чтобы Гром мог понюхать, почувствовать мой запах, убедиться, что это я. Он фыркнул, выдохнув тёплый воздух, и слегка коснулся пальцами моей ладони жёсткими губами.

— Видишь? — тихо сказала я. — Он просто проверяет.

Кайл осторожно шагнул вперёд, остановился в паре шагов от стойла и протянул руку, будто хотел дотронуться, но боялся.

— Можно? — спросил он, глядя то на меня, то на Грома.

— Сначала дай ему привыкнуть к тебе, — ответила я. — Просто стой спокойно. Пусть он сам решит, хочет ли знакомиться.

Гром медленно повернул голову, посмотрел на мальчика тёмным, глубоким глазом, будто оценивал, можно ли ему доверять. Секунды тянулись долго, и в этой тишине было что-то особенное — будто весь мир сжался до этого уголка конюшни, до запаха сена, до тихого дыхания коня и взволнованного взгляда Кайла.

Наконец Гром сделал шаг вперёд, вытянул шею и осторожно коснулся плеча мальчика тёплым носом. Кайл замер, а потом вдруг расплылся в широкой улыбке, будто случилось что-то невероятно важное.

— Он меня понюхал! — прошептал он, будто боялся спугнуть этот момент. — Он меня понюхал, представляешь?

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается тихое тепло. Впервые за долгое время я не просто рассказывала о своей жизни — я делилась ею, и кто-то слушал, кто-то видел в этом не просто слова, а целый мир.

— Хочешь, я покажу, как правильно расчёсывать гриву? — спросила я. — Только очень медленно и аккуратно. Гром любит, когда с ним разговаривают.

Кайл закивал так энергично, что даже смешно стало.

— Да! Очень хочу!

И пока мы стояли рядом, пока я тихо объясняла, как держать щётку и как следить за тем, чтобы не дёргать волосы, мне вдруг показалось, что эта ферма, этот дом, эти лошади — всё это понемногу становилось не просто местом, куда меня привезли, а местом, где я могу быть собой. И где, возможно, у меня даже появятся друзья.

— А где твои родители? — осмелилась спросить я, сама не зная, зачем задала этот вопрос. Наверное, просто хотелось понять: может, не только мне бывает так тяжело, когда мир вдруг становится слишком тихим и слишком большим.

— Мама не стало год назад, а папа — предприниматель. Сейчас в НьюЙорке. Я его не видел уже полгода. Вообще он редко здесь бывает. Сэм — его брат. Фермер. Папа говорит, чтобы Сэм перебирался в крупный город — там перспектив больше, но дядя любит свою ферму, — рассказывал Кайл, и голос у него звучал ровно, будто он столько раз повторял эти слова, что они уже перестали резать. Но в глазах всё равно мелькало что-то: не обида, а скорее тихая усталость от того, что важные люди всегда где-то далеко.

Я кивнула, не пытаясь подобрать какие-то особенные слова. Иногда самое правильное — просто слушать.

— Мои родители погибли, когда мне было девять. Теперь я под опекой бабушки. Уже пять лет здесь, — тихо сказала я, и вдруг поняла, что произносить это вслух больше не так

страшно, как раньше. Слова не рассыпались в тишине, не повисали тяжёлым грузом — они просто легли рядом с его словами, и получилось, что мы оба не одни в своей тишине.

— А ты, наверное, около года здесь? — поинтересовалась я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто это обычный разговор про погоду или про лошадей.

— Прошлым летом приехал после окончания школы к Сэму, так тут и остался, — ответил Кайл и слегка пожал плечами, будто сам до конца не понимал, как так вышло, что лето превратилось в целый год.

— Окончания школы? — удивилась я, ведь выглядел Кайл очень молодо, почти как мальчишка, который только вчера перестал играть в прятки за стогами сена. — А сколько же тебе лет?

— Мне девятнадцать, — сказал он и тут же улыбнулся, будто ждал, что я снова удивлюсь.

— Мне четырнадцать, но я на домашнем обучении, — ответила я, и в этом тоже не было никакой драмы — просто факт, такой же обычный, как запах сена или скрип половиц в конюшне.

— Я тоже думал пойти в колледж, вернее, так хотел мой отец. Однако я не хотел ехать в НьюЙорк. Мне по душе здесь. Может, когданибудь я всётаки решусь на этот шаг, — произнёс Кайл, глядя куда-то в сторону, будто пытался разглядеть в будущем не город с высокими зданиями, а эту самую конюшню, поле и озеро, где всё понятно без лишних слов.

Мы помолчали немного. Гром тихо переступил ногами, будто напоминал, что он тут, рядом, и жизнь идёт своим чередом. Я протянула руку и легонько провела ладонью по его тёплой шее — просто чтобы почувствовать, что есть что-то настоящее, тёплое, живое, что не исчезнет от одного неловкого слова.

— Знаешь, иногда кажется, что взрослые всё решают за нас, — сказала я, не глядя на Кайла, но чувствуя, что он слушает. — Куда ехать, где учиться, что делать дальше. А потом вдруг понимаешь, что самое важное — это то, что ты сам выбираешь, даже если выбор совсем маленький. Например, остаться здесь и учиться понимать лошадей. Или просто сидеть у озера и смотреть, как солнце садится за холм.

Кайл кивнул, будто эти слова попали точно в то место, где у него внутри что-то сжималось от непонимания и тревоги.

— Да, — прошептал он. — Иногда хочется, чтобы кто-то просто сказал: «Ты можешь остаться. Тут тебе хорошо».

Я улыбнулась — на этот раз чуть шире, чем раньше.

— Тут тебе хорошо, — тихо повторила я. — И знаешь, я рада, что ты остался. Потому что теперь мне есть с кем расчёсывать Грому гриву. И есть кому рассказать, как он фыркает, когда ему не нравится щётка.

Кайл рассмеялся — легко, искренне, и этот смех, казалось, разогнал остатки неловкости, которая ещё витала между нами.

— Он правда фыркает? — спросил он, уже снова глядя на Грома с тем самым восторгом, который бывает только у тех, кто открывает для себя что-то новое.

— Ещё как, — кивнула я. — Но если делать всё медленно и разговаривать с ним, он потом даже голову наклоняет, будто просит ещё.

И мы снова взялись за щётки. Я показывала, как правильно вести по шерсти, чтобы не дёргать, как тихо говорить с конём, чтобы он слышал не слова, а спокойствие в голосе. Кайл старался повторять каждое движение, и в его старательности было столько искренности, что мне хотелось улыбаться без остановки.

А где-то снаружи, за стенами конюшни, шумел ветер, качались ветви дуба, и дед с Сэмом всё ещё сидели за столом, допивая остывший чай и разговаривая о чём-то своём, взрослом. Но здесь, в полумраке стойла, пахнущем сеном и лошадьми, у нас с Кайлом был свой маленький

мир — и в нём хватало места и для тишины, и для разговоров, и для того, чтобы просто быть рядом, не боясь, что тебя не поймут.

Одиночество — это не когда тебе не с кем поговорить. Это когда ты перестаешь верить в собственный голос. Ты произносишь фразу и слышишь, как она падает, не встретив сопротивления чужого дыхания. Слова становятся бумажными, плоскими. Они не отражаются ни от каких глаз, поэтому теряют цвет.

Я замечаю, как пыль оседает на книгах. Раньше я этого не видел — она смахивала ее движением, которое казалось небрежным, а теперь я понимаю, что это был ритуал. Я пытаюсь повторить это движение своей рукой, но у меня получается лишь грубое стирание. Пыль — это время, которое никто не тревожит.

Самое странное — это зеркала. Я перестала в них смотреться, потому что там, за стеклом, стоит чужой человек. У него мои глаза, но в них нет той искры, которая зажигалась, когда я смотрел на нее. Я боюсь, что если посмотрю слишком пристально, то увижу, как он начинает таять, как теряет контуры.

Иногда, просыпаясь среди ночи, я слышу, как дом дышит. Он скрипит половицами, пытаюсь приспособиться к новому весу, к новой походке. Он помнит, как мы ходили по нему в три голоса, и теперь его деревянное нутро путается, ошибается ритмом.

Потеря — это когда мир вокруг тебя продолжает вращаться, но ты чувствуешь, что его ось сместилась на пару миллиметров. Никто, кроме тебя, этого не замечает. Дни идут своим чередом, солнце встает на востоке, но оно светит холоднее, потому что теперь ему не на кого падать.

Я поняла, что не пытаюсь никого вернуть. Я пытаюсь вернуть ту версию себя, которая умела быть счастливой в этом доме. Я открываю шкаф и вдыхаю запах платьев, которые мама оставила. Они пахнут не ею, они пахнут тем летом, когда мы были вместе. Это разные запахи. Это как искать воду в пустыне и находить только мираж — он кажется реальным, пока ты не протянешь руку.

Одиночество наступает не тогда, когда уходит человек. Оно наступает тогда, когда уходит смысл. Когда ты перестаешь понимать, зачем ты смотришь на закат, если некого взять за руку и сказать: "Смотри".

Глава 2

Монтана. 2020 год.

Четыре года пролетели как один миг. Мы часто виделись с Кайлом — то на моей ферме, то у Сэма, то просто у озера, где когда-то впервые встретились. Катались на лошадях, объезжали дальние тропы, которые знали только мы двое, смеялись над тем, как Гром нарочно шагал в лужу, чтобы обдать нас брызгами. За это время Кайл сильно изменился, возмужал, окреп. Из мальчишки, который боялся подойти к коню, он превратился в парня, которому лошади доверяли, а взрослые — прислушивались.

Его каштановые, коротко подстриженные волосы и карие глаза стали привлекать меня всё больше и больше — не просто как что-то красивое, а как что-то родное, знакомое до мельчайших деталей. Я могла угадать по его взгляду, о чём он думает: если чуть хмурится — значит, переживает за жеребёнка, если улыбается краем губ — значит, придумал какую-то шалость, от которой лучше держаться подальше.

Однажды мы сидели на ферме Сэма. Стояла жаркая погода, вроде это был июль — воздух дрожал над землёй, пахло нагретой травой и древесной смолой. Я плела венок из полевых цветов, перебирая ромашки и васильки, а Кайл колот дрова. Он снял футболку ещё в самом начале — жара была такая, что даже дышать становилось тяжело.

Крупные капли пота стекали по его ровной, мускулистой, обнажённой спине. Он взмахивал топором легко, будто почти без усилий, и в этом движении было столько силы и точности, что я невольно засмотрелась. В какой-то момент всё будто замедлилось: его жест, как он вытирал рукой пот со лба, тяжёлое, ровное дыхание, которое становилось чуть громче после каждого удара.

Не могу объяснить это чувство — оно было ново для меня, непривычно и оттого немного пугало. На тот момент мне было около восемнадцати, а Кайлу уже исполнилось двадцать три. Он был не просто старше — он был мужчиной, и в каждом его движении чувствовалась эта взрослая уверенность, которая раньше казалась мне чем-то далёким, почти недостижимым.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. В животе будто поселились бабочки, но это было уже не детское волнение — это было что-то глубже, горячее, заставлявшее сердце биться чаще и одновременно сжиматься от странной, новой уязвимости.

— Чего ты там плетёшь? — Кайл наконец остановился, воткнул топор в колоду и подошёл ко мне, слегка запыхавшись. Он наклонился, разглядывая венок, и улыбнулся так просто, будто не знал, какой эффект производит на меня эта улыбка. — Выглядит как что-то из сказки.

— Это для тебя, — неожиданно даже для самой себя сказала я и протянула ему венок. Щеки тут же вспыхнули, и я поспешила опустить глаза, будто если не смотреть на него, то и смущение станет меньше.

Кайл замер на секунду, потом осторожно взял венок, покрутил в руках, словно не знал, что с ним делать, и вдруг надел себе на голову, чуть криво, так, что ромашки оказались сбоку.

— Теперь я рыцарь из старой легенды, — подмигнул он, и в его голосе не было ни насмешки, ни желания поддеть — только привычная лёгкость, которая всегда помогала мне чувствовать себя спокойно рядом с ним.

Я рассмеялась, и напряжение, стянувшее грудь, наконец ослабло.

— Только не говори Сэму, а то он решит, что ты окончательно сбрендил.

— Пусть думает что хочет, — махнул рукой Кайл, сел рядом, вытянул ноги и потянулся, будто сбрасывая с себя усталость дня. — Зато теперь у меня есть венок, а значит, я официально самый стильный парень в округе.

Мы сидели так, плечом к плечу, и смотрели, как солнце медленно клонится к горизонту, окрашивая поле в золотистооранжевый. Где-то неподалёку фыркали лошади, в траве стрекотали кузнечики, и весь этот мир казался удивительно правильным — будто всё, что было до этого, вело именно к этому вечеру, к этому смеху, к этому моменту, когда рядом сидел человек, с которым не нужно было притворяться, не нужно было подбирать слова, потому что он и так всё понимал.

И в тот вечер я впервые подумала: может быть, дом — это не просто место, где ты живёшь. Может быть, дом — это тот, рядом с кем тебе спокойно даже тогда, когда внутри всё дрожит от новых, незнакомых чувств.

Ночью того же дня я лежала в своей постели, не могла уснуть от навязчивых мыслей. В голове то и дело возникал образ Кайла — его сильные руки, как легко и уверенно он держал топор, как потом, смеясь, надел мой венок и смотрел на меня так, будто весь этот мир состоял только из нас двоих. Я не могла понять, что меня так сильно волнует. А ещё больше всё это пугало, ведь я никогда раньше не чувствовала этого — такой странной смеси восторга и тревоги, когда одно его движение заставляло сердце биться чаще, а потом вдруг становилось стыдно за то, что я вообще об этом думаю.

Луна светила прямо на одеяло, заливая комнату серебристым светом, и в этой тишине мысли становились только громче. Я встала, собрала свои светлые волосы в хвост — привычный, простой жест, который всегда помогал мне собраться с мыслями. Подошла к зеркалу.

Я была в розовой пижаме, немного помятой от того, что я ворочалась с боку на бок, и смотрела на себя, будто видела впервые. В отражении стояла уже взрослая девушка — не та испуганная девочка, которая когда-то приехала на ферму, сжав в руках потрёпанного зайчика, и не та четырнадцатилетняя девчонка, что боялась подойти к незнакомому мальчику у озера. Моё тело, мои мысли сильно изменились за это время, но я до сих пор не понимала, как нужно себя вести. Ведь я постоянно проводила время с дедом, с Кайлом, иногда с Сэмом — мы говорили про лошадей, про погоду, про то, как лучше подковать жеребца, и никто не учил меня, каково это — быть женственной.

Из комода я достала старый глянцевый журнал, который нашла както в стопке коробок на чердаке. На обложке была красивая длинноногая девушка: безупречный макияж, идеальная укладка, взгляд, в котором читалась уверенность, которой мне так не хватало. Я листала страницы, всматривалась в позы, в то, как модели держат голову, как улыбаются, будто знают какой-то секрет, недоступный обычным девчонкам с фермы.

До четырёх утра я изучала принципы моды, выписывала карандашом в блокнот непонятные слова: «контуринг», «нюд», «акцент на глаза». Попыталась разобраться, как из простых вещей собрать образ, который сделает меня не просто «девочкой с фермы», а кем-то, на кого хочется смотреть. И каждый раз, когда я представляла, как Кайл видит меня в чём-то новом, сердце снова сжималось от волнения.

Когда первые лучи рассвета скользнули по полу, я закрыла журнал и положила его обратно в комод. Пальцы чуть дрожали, а в голове всё ещё крутились образы и советы, которые теперь казались каким-то чужими, далёкими от моей настоящей жизни.

«Может, всё это и не нужно, — подумала я, глядя в окно, где над полем медленно рассеивался туман. — Может, ему и так нравится, какая я есть».

И тут же испугалась этой мысли — потому что она была самой честной. Мне хотелось быть красивой не для какого-то абстрактного идеала, а для него. Чтобы он смотрел и видел не просто девчонку, которая умеет чистить стойла и объезжать лошадей, а девушку, рядом с которой хочется задержаться хоть на минуту дольше.

Я подошла к окну, оперлась лбом о прохладное стекло и глубоко вздохнула. Воздух был свежим, пах травой и дождём, который, кажется, собирался где-то за горизонтом. Где-то неподалёку заржал Гром — так знакомо, так домашнему, что тревога понемногу начала отступать.

Внизу уже слышался голос деда — он что-то говорил Сэму, наверное, про утренние дела. Скоро встанет и Кайл, возьмёт ведро, пойдёт к колодцу, улыбнётся, как всегда, будто и не было этих бессонных ночей, будто мир устроен просто и понятно.

И в этот момент я вдруг поняла: может, женственность — это не про макияж и не про укладку. Может, это про то, как ты смотришь на человека и не отводишь взгляд, даже если внутри всё дрожит. Про то, как можешь протянуть ему венчик из полевых цветов и не стыдиться того, что это выглядит подетски. Про то, как умеешь быть настоящей — даже если не знаешь, как правильно.

Я улыбнулась своему отражению, распустила волосы, позволив им свободно лечь на плечи, и тихо сказала вслух:

— Ладно. Сегодня я просто буду собой.

И, накинув лёгкую кофту поверх пижамы, я вышла из комнаты, навстречу новому дню — и к тому, что ждало меня внизу, у колодца, среди запаха сена, лошадиного пота и свежего ветра, который всегда приносил с собой ощущение, что всё только начинается.

Я вышла во двор, оседлала жеребца и поскакала на ферму к Сэму — хотелось просто поздороваться с Кайлом, увидеть его улыбку, услышать привычное «Ну что, опять Гром всех распугал?» и снова почувствовать, что мир на месте, всё идёт как надо.

Приближаясь к дому, я замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась в тени раскидистого вяза. И тут увидела Кайла — он стоял у крыльца и мило хихикал с девчонкой. На вид она была ровесницей парня, может, чуть старше. Длинноволосая блондинка в коротком голубом платье, с укладкой, будто только что из салона, и макияжем, который подчёркивал каждую черту. Она что-то говорила, смеялась, а Кайл улыбался в ответ — так легко, непринуждённо, как улыбался, наверное, всем симпатичным девушкам.

Я услышала, как она хвалит его внешность: «У тебя такие плечи... Ты будто из какого-то вестерна!» — и в груди что-то неприятно сжалось. Я поймала себя на мысли, что начинаю злиться. Что это было? Ревность? Странное, колющее чувство, которого я раньше не знала: не просто досаду, не просто обиду, а будто кто-то тихонько шептал: «А ты тут зачем? Ты ведь совсем другая».

Я открыла ворота, намеренно громко, чтобы скрип железа перекрыл этот внутренний шёпот, и направилась к ним. Кайл увидел меня первым — и тут же расплылся в той самой широкой, настоящей улыбке, от которой у меня всегда становилось теплее.

— Привет, Джес! — крикнул он, махнув рукой, будто её и не было рядом, будто в этот момент для него существовала только я.

Девушка обернулась и осмотрела меня с ног до головы — не грубо, но очень внимательно, словно пыталась понять, кто я такая и что делаю рядом с этим парнем. Я успела разглядеть в ней всё: точёную фигуру, безупречную укладку, лёгкий блеск на губах. Она выглядела очень привлекательно — так, как я никогда не выглядела и, наверное, никогда не буду.

Но самое страшное было не в этом. Самое страшное — что Кайлу она тоже приглянулась. В его взгляде, когда он смотрел на неё, была та лёгкая заинтересованность, которую невозможно подделать: любопытство, восхищение, мужская оценка. И от этого мне вдруг стало холодно, несмотря на жаркое утро.

— Это Джес, — сказал Кайл, будто представляя меня как что-то очень важное, и в то же время будто пытаюсь сгладить неловкость. — Она тут почти с детства. С лошадьми управляется лучше любого парня.

Блондинка кивнула, улыбнулась вежливо, но без особого тепла — так улыбаются людям, с которыми не собираются заводить дружбу.

— Рада познакомиться, — протянула она, чуть наклонив голову. — Я Лия. Приехала к тёте на лето. Тут так тихо... Совсем не похоже на город.

Я кивнула в ответ, стараясь, чтобы лицо оставалось спокойным, хотя внутри всё сжималось.

— Да, тут тихо, — тихо повторила я, чувствуя, как нелепо звучит моя розовая кофта, выгоревшая на солнце, и как неуместно смотрятся на мне сапоги для верховой езды рядом с её изящными босоножками.

Кайл, будто почувствовав, что воздух между нами стал густым и тяжёлым, хлопнул себя по бедру и бодро сказал:

— Слушай, Джес, помоги мне сегодня с новым жеребёнком. Он такой упрямый, будто решил, что люди — это враги. А ты с ним както сразу нашла общий язык в прошлый раз.

Лия слегка нахмурилась, будто не ожидала, что разговор так быстро уйдёт от неё.

— А можно мне тоже посмотреть? — спросила она, и в её голосе прозвучало не столько любопытство, сколько желание остаться в центре внимания.

Кайл на секунду замешкался, будто пытался понять, как сделать так, чтобы никому не было обидно.

— Конечно, — кивнул он. — Тут всегда есть на что посмотреть. Лошади, поля, закаты... Тут вообще много красивого.

Он сказал это просто, без задней мысли, но я вдруг почувствовала, как эти слова ударили по самому больному. Потому что для него это было просто «тут красиво», а для меня это был мой мир — мой дом, моя ферма, мои лошади. И теперь в этом мире появилась она, такая лёгкая, городская, уверенная в себе, и я не знала, как в нём найти место для себя новой — той, что листала журналы до четырёх утра и пыталась понять, как быть красивой.

Мы пошли к конюшне — Кайл впереди, Лия рядом с ним, чуть касаясь его локтя, будто проверяя, не отстранится ли он. А я шла следом, ведя жеребца под уздцы, и старалась смотреть только вперёд, на пыльную тропу, на тени от деревьев, на всё, что угодно, лишь бы не видеть, как они смеются над какойто пустяковой шуткой.

И вдруг Кайл остановился, обернулся и посмотрел прямо на меня — так, будто только сейчас понял, что я иду позади, тихая и напряжённая, как струна.

— Эй, ты чего отстаёшь? — спросил он, нахмурившись уже подругому — не от раздражения, а от беспокойства. — Ты же знаешь, что без тебя этот жеребёнок вообще никого к себе не подпустит. Ты ему как сестра.

Я попыталась улыбнуться, но улыбка получилась кривой, натянутой.

— Просто думаю, с какой стороны к нему подойти, — сказала я, и это было правдой — хоть и не всей.

Кайл шагнул ко мне, положил руку на плечо — просто, дружески, но от этого прикосновения по коже пробежал тёплый ток, и вся ревность, вся неловкость вдруг стали казаться какимито мелкими, незначительными.

— Ты всегда знаешь, как к нему подойти, — тихо сказал он, глядя мне прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни Лии, ни её платья, ни её идеальной укладки — только я и он, и наша ферма, и наши лошади, и всё то, что мы построили вместе за эти четыре года.

Лия стояла чуть в стороне, наблюдая за нами, и в её глазах мелькнуло чтото похожее на удивление — будто она увидела то, чего не ожидала: не просто парня и девчонку с фермы, а двух людей, между которыми есть чтото большее, чем просто знакомство.

А я наконец выдохнула. И поняла: может, мне и не нужно быть как она. Может, мне нужно просто быть собой — той, кто знает, как успокоить испуганного жеребёнка, кто может

рассмешить Кайла одной нелепой шуткой, кто чувствует этот мир кожей, а не через страницы глянцевого журнала.

— Ладно, — сказала я, уже спокойнее, и кивнула в сторону конюшни. — Пойдём. Посмотрим, что там наш упрямец придумал на этот раз.

Кайл улыбнулся, и эта улыбка снова сделала всё правильным.

— Вот это моя Джес, — тихо проговорил он и пошёл вперёд, а я — рядом с ним, уже не чувствуя себя лишней.

До этого дня я почти забыла, каково это — чувствовать себя одинокой. Всё было просто и понятно: утро начиналось с ржания лошадей, день летел в хлопотах, а вечером мы с Кайлом сидели где-нибудь на склоне, смотрели, как садится солнце, и болтали так, будто впереди у нас целая вечность. Но теперь в нашей компании появился третий лишний — Лия.

Она всё чаще заходила к Кайлу. Они мило болтали, он катал её на лошадях, показывал самые красивые тропы, а потом они вместе ходили на озеро купаться. Сначала я думала, что это ненадолго — лето, любопытство, новая девчонка в округе. Но постепенно я всё больше отодвигалась на второй план. Разговоры становились не про нас с ним, а про неё; планы строились без меня; даже в его улыбке теперь было что-то другое — будто он старался быть вежливым и добрым сразу для двоих.

Во мне разгорелся дух соперничества. Хотелось вернуть то ощущение, когда я была для него самой нужной, когда он первым звал меня, если случалось что-то важное. Нужно было как-то действовать.

Закончив все дела по хозяйству, я закрылась у себя в комнате, достала всю свою косметику и старый журнал, который листала ночами. Открыла его на развороте с эффектным макияжем и начала шаг за шагом повторять всё, что там показывали. Сначала тени, потом стрелки, которые никак не хотели получаться ровными, затем слишком яркая помада. Потом дошло дело до причёски: я накрутила пряди, сделала начёс, закрепила всё лаком так, что волосы стояли почти вертикально. В зеркале отражалась какая-то другая девушка — яркая, броская, совсем не похожая на меня. На секунду я даже замерла, всматриваясь: а вдруг это и есть та самая «красивая версия» себя, которую хочется видеть рядом с ним?

Был тёплый вечер, воздух пах скошенной травой и дымом из печи. Я вышла из дома, стараясь идти уверенно, и направилась к дому Сэма. Около крыльца на качелях сидела Лия, а Кайл стоял рядом, чуть наклонившись к ней. Она трогала его за руки, смеялась, а он держал спину прямо, будто старался выглядеть спокойно, но в этом было что-то натянутое.

Я тихо подошла к ним. Сердце колотилось где-то у самого горла, а в голове крутилась одна мысль: «Сейчас он посмотрит и скажет: Ты сегодня такая... особенная».

— Добрый вечер, — сказала я.

Они обернулись. И тут что-то в тот момент пошло не так. Кайл выпучил глаза, будто увидел привидение. А Лия вдруг засмеялась, закрыв рот руками, но в этом смехе не было доброты — только лёгкое злорадство.

— Джес? Это ты? — очень странно спросил Кайл, будто вот-вот засмеётся, но не от радости, а от неловкости.

— Как тебе? — кокетливо спросила я, пытаясь удержать эту новую улыбку, которая теперь казалась чужой на моём лице.

Кайл зажмурил глаза, потом открыл их, будто надеялся, что картинка изменится, и тихо, но твёрдо сказал:

— Лучше бы тебе пойти умыться.

В его словах не было злости, но было что-то похуже — презрение с нотками грусти, будто ему было жаль, что я вообще это сделала.

— Зачем? Я теперь всегда буду выглядеть так, — ответила я, упрямо вздёрнув подбородок.

— Джес, тебе лучше без всей этой краски. Прощу, иди умойся, — повторил он, и в его голосе прозвучала такая искренность, что мне вдруг стало стыдно.

— Прислушайся к совету Кайла, пока тебя никто не увидел, а то подумают, что к нам приехал цирк и у них сбежал клоун, — заявила Лия, и её слова ударили точно в самое уязвимое место.

Я огляделась по сторонам, будто искала, куда спрятаться. Из конюшни как раз вышел Сэм. Он замер на полпути, посмотрел на меня, потом на Кайла с Лией, снова на меня — и вдруг запнулся на полуслове, будто язык перестал его слушаться.

— Джес?.. Ты... Нет... — заикаясь, проговорил он, и в этом «нет» было столько растерянности, что мне захотелось просто исчезнуть.

Слёзы подступили к глазам, но я сжала кулаки, запрещая себе плакать. Не здесь. Не перед ними.

Я резко развернулась и пошла прочь, стараясь шагать ровно, чтобы никто не заметил, как дрожат колени. Ветер шевелил пряди, которые ещё минуту назад казались такими стильными, а теперь только мешали, липли к щекам. Гдето позади Кайл окликнул меня, но я не остановилась.

Потому что в тот момент я поняла: нельзя стать кемто другим, чтобы тебя заметили. А если замечают только эту чужую маску — значит, видят не тебя. И от этого становилось больше всего.

Я вернулась домой, стараясь проскользнуть мимо деда, чтобы он не заметил меня в таком виде. Тихо открыла дверь. Дед сидел на диване перед телевизором, смотрел какойто старый вестерн — он их обожал, говорил, что там всё почестному: злодеи плохие, хорошие люди держат слово, а лошади — почти как люди. Не оборачиваясь, он спокойно сказал:

— Поужинай, там в духовке пирог с яблоками. И не крадись, я слышу, как ты дышишь.

Я хотела проскочить дальше, в свою комнату, спрятаться под одеяло и больше никогда не выходить, но ноги будто налились свинцом. Вместо этого я забежала в ванную, закрыла дверь на щёлку и встала под струи тёплой воды. Пар быстро заполнил маленькое помещение, скрывая меня, будто защищая от всего, что осталось снаружи.

Слёзы сами текли по лицу, смешиваясь с водой, и я даже не пыталась их вытирать. Они просто катились, тяжёлые, горькие, и вместе с ними уходило то нелепое ощущение собственной важности, с которым я выходила из дома.

«Неужели я совсем непривлекательная? — крутилось в голове, снова и снова, как заезженная пластинка. — Что мне нужно сделать, чтобы стать похожей на Лию? Кайл обратил на неё внимание, а я — просто серая мышь».

Я смывала макияж, и с каждым движением пальцев будто стирала не только тени и помаду, но и ту попытку быть кемто другим. Вода стекала по щекам, и в какойто момент я вдруг увидела себя настоящую: уставшую, растрёпанную, с покрасневшими глазами, но... свою. Не глянцевою, не идеальную, не похожую на девушку с обложки, а ту, что знает, как пахнет сено после дождя, как дрожит рука, когда впервые подходишь к необъезженному жеребцу, и как замирает сердце, когда ктото просто говорит: «Ты справишься».

Из коридора донёсся тихий скрип половиц — дед всегда ходил так, будто дом был живым и мог обидеться на громкий шаг. Потом раздался стук в дверь — не требовательный, а осторожный, как будто он боялся спугнуть.

— Джес? — тихо позвал он. — Ты там не утонула?

Я всхлипнула, но постаралась сделать голос ровным:

— Сейчас выйду!

— Ладно. Только не торопись. Иногда человеку нужно просто постоять под водой и дать всему лишнему стечь.

И в этих простых словах было столько понимания, что слёзы снова подступили, но теперь уже не от обиды, а от того, как сильно мне хотелось, чтобы кто-то просто был на моей стороне.

Я выключила воду, завернулась в большое пушистое полотенце, которое пахло домом и стиральным порошком, и вышла. Дед всё так же сидел на диване, но теперь смотрел прямо на меня. В его взгляде не было ни насмешки, ни осуждения — только спокойная забота, к которой я так привыкла, что порой забывала, как она важна.

Он похлопал по дивану рядом с собой.

— Садись. И не прячь глаза. Я не для того столько лет тебя растил, чтобы теперь смотреть в затылок.

Я села, подтянув колени к груди, уткнулась лбом в плечо деда. Он молча накрыл мою руку своей — тёплой, шершавой, такой надёжной.

— Ты знаешь, я не мастер говорить красивые слова, — начал он тихо, не спеша, будто каждое слово нужно было сначала хорошенько обдумать. — Но я скажу одну вещь, которую понял ещё когда твоя бабушка была жива. Красота — она не в том, чтобы быть как все. И не в том, чтобы пытаться влезть в чужую шкуру. Красота — в том, чтобы оставаться собой, когда весь мир шепчет, что ты не такая, как надо.

Я вздохнула, чувствуя, как внутри понемногу тает тот ледяной комок, который сковывал грудь.

— Но Кайл... он смотрел на неё. На Лию. Она такая яркая, уверенная... А я просто хожу в сапогах и пахну лошаадьми.

Дед чуть улыбнулся — не весело, а так, постариковски мудро, будто знал про этот мир что-то, чего не знают молодые.

— Знаешь, лошади тоже не бегут к тем, кто громко кричит и машет руками. Они идут к тем, у кого рука твёрдая, а сердце спокойное. И люди, если копнуть глубже, тоже. Кайл — хороший парень, но он ещё мальчишка. А мальчишки часто путают блеск с глубиной.

Я подняла на него глаза.

— А что мне делать?

— Ничего такого, что будет тебе не по душе. Не надо становиться кем-то другим ради чьего-то взгляда. Если он не видит, какая ты настоящая — значит, он просто ещё не научился смотреть. А если увидит... тогда и посмотрим.

Я прижалась к нему крепче, вдыхая знакомый запах табака, сена и старого одеколona, который он покупал ещё когда бабушка была жива.

— Спасибо, дед, — прошептала я.

— Не за что. А теперь давай-ка поедим. Пирог остывает, а холодный он уже не тот. Да и грусть лучше пережить с чем-нибудь сладким.

Мы сидели рядом, ели тёплый яблочный пирог, и мир потихоньку переставал казаться таким несправедливым. Гдето за окном стрекотали сверчки, ветер шевелил занавеску, и казалось, что даже если сегодня всё пошло не так, завтра обязательно будет новый день. И, может быть, в нём не нужно будет никому ничего доказывать. Может быть, достаточно просто быть собой — и этого хватит.

Осенью Лия уехала, и мы с Кайлом снова стали лучшими друзьями. С этого момента мы ещё больше времени проводили вместе, будто наверстывали те дни, когда между нами будто выросла невидимая стена.

Помню, как Кайл позвал меня на озеро. Стояла осенняя погода — была середина сентября, но ещё держалось приятное тепло, какое бывает, когда лето не хочет окончательно усту-

пать свои права. Вечер уже опускался на поля, и темнело рано — небо темнело быстро, открывая россыпь первых звёзд.

Мы сидели на траве, подстелив на землю куртку Кайла. Он был в тёплом сером свитере, и от него веяло уютом, как от старого дома, где всегда ждут.

— Смотри, звезда упала! Успела загадать желание? — Кайл указал пальцем в тёмное небо, и в его голосе прозвучало то самое детское предвкушение чуда, которое редко встретишь у взрослых.

Я зажмурила глаза и прошептала что-то себе под нос — не какое-то сложное, продуманное желание, а просто тихий шёпот сердца, в котором смешались надежда и страх, что если произнести вслух, оно не сбудется.

— Всё! — улыбнулась я, открывая глаза и чувствуя, как внутри всё трепещет от этой простой, почти детской радости.

— Что загадала? — спросил Кайл, наклоняясь ко мне чуть ближе, в его взгляде плясали озорные искорки.

— Не скажу, а то не сбудется, — покачала я головой, стараясь выглядеть серьёзной, но улыбка всё равно прорывалась.

— Давай я попробую угадать? Что там обычно загадывают все девчонки? — Кайл бросил камешек в воду, и тот прыгнул по поверхности, оставляя круги, медленно растворяющиеся в темноте.

— Я не «все»! — буркнула я, но в этом бурчании не было настоящей обиды — только желание сохранить своё маленькое волшебство в секрете.

— Ты не «все», но всё-таки девчонка, — усмехнулся он, и в этой усмешке не было насмешки, а была та самая привычная лёгкость, которая делала нас собой — без масок, без попыток казаться кем-то другим.

— Кайл, ты невыносим, — рассмеялась я, и этот смех прозвучал в вечернем воздухе как что-то очень правильное.

Мы сидели слишком близко, и я чувствовала тепло, исходящее от него, словно оно пробивалось сквозь ткань свитера и согревало не только кожу, но и что-то внутри. Осторожно я положила голову ему на плечо и вдохнула его запах — смесь луговых трав, свежести осеннего ветра и чего-то посвоему мужского, спокойного, надёжного.

Кайл сидел неподвижно, будто боялся спугнуть этот момент, и тишина между нами стала не пустой, а наполненной — всем тем, что мы не решались сказать словами. А потом он наклонился ко мне. Я подняла голову, и наши взгляды встретились. В его глазах я увидела целый мир — свой океан, в котором можно было утонуть и не бояться, что не выплывешь.

Мысли покинули голову, оставив только ощущение настоящего — острого, звенящего, как натянутая струна. Ноги слегка задрожали, будто земля под нами вдруг стала менее твёрдой. Не знаю, как так получилось, но губы сами сложились в лёгкое ожидание, в ту самую секунду, когда время будто замирает.

И каково было моё удивление, когда Кайл первый поцеловал меня. Я не могу описать, что чувствовала в тот момент: это было не просто волнение или радость — это было что-то горячее, переливающееся внутри, словно в груди зажёгся маленький, но очень яркий огонь. Всё вокруг — озеро, звёзды, шелест травы — стало частью этого мгновения, и я поняла: вот оно, то самое чувство, ради которого стоит ждать, сомневаться, бояться и всё равно надеяться.

Одним прекрасным вечером, когда я уже готовилась ко сну, в моё окно что-то тихо ударило. Сказать, что я испугалась, — значит ничего не сказать. Сердце подпрыгнуло к горлу, а по спине пробежал холодок.

Я подошла к окну и тихо отодвинула занавеску. На улице было темно, и в свете фонаря кружились лёгкие хлопья — падал первый снежок, ложась на землю едва заметной вуалью. Я прижалась к стене и замерла, прислушиваясь. И вдруг снова стук. Потом ещё раз. Моё сердце забилося чаще, будто хотело вырваться наружу. «Что вообще происходит?» — пронеслось в голове.

В окне мелькнула тень. Затем — три тихих стука, почти робких, будто тот, кто их делал, сам не был уверен, стоит ли тревожить меня. Я снова выглянула и наконец разглядела: это был Кайл.

«Что он забыл здесь так поздно? А вдруг услышит Роберт?» — мысли метались, как испуганные птицы. Открывать? Нет, не открывать... Но вдруг он замёрзнет?

Я убрала занавеску и через закрытое окно покрутила пальцем у виска, всем видом показывая: «Ты в своём уме?» Кайл в ответ развёл руками, покачал головой и настойчиво показал жестом: «Открой!»

— Кайл, ты в своём уме? — прошептала я, приоткрывая окно и стараясь ругаться как можно тише, чтобы не разбудить деда. — Ты хоть понимаешь, что тут происходит?

— Джес,пусти, я замёрз, — пробормотал он и тут же сделал эти свои «щенячьи» глаза, от которых у меня всегда таяло всё раздражение.

Кайл проскользнул в комнату и тут же начал снимать куртку.

— Куда я могу бросить вещи? — спросил он так спокойно, будто это было самое обычное дело — заявляться посреди ночи в чужую комнату.

— Нас услышит Роберт! И можешь не разговаривать так громко? — шикнула я, хотя сама чувствовала, что шепчу почти криком — так сильно колотилось сердце.

Мы устроились на полу, достали колоду и стали играть в «Уно». Карты тихо шелестели, мы старались не смеяться в голос, а только беззвучно хохотать, прикрывая рты ладонями. В комнате пахло морозным воздухом, который Кайл принёс с собой, и чемто родным, отчего тревога понемногу уходила.

Когда я заметила, что Кайл уже едва держит глаза открытыми, то предложила постелить ему на полу.

— Можешь не стелить, я укроюсь курткой, — отозвался он, подхватывая куртку со стула.

— Ты хочешь спать как бездомный? — возмутилась я.

— Я спал на сене. Спал на лавке во дворе. Меня этим не удивить, Джесс, — он чуть улыбнулся, и в этой улыбке было столько привычной, спокойной силы, что мне вдруг стало стыдно за свою заботу — будто я пыталась подарить ему что-то великое, а для него это была просто мелочь.

Кайл устроился на полу около моей кровати, а я никак не могла найти себе места. Мне было невыносимо думать, что я лежу в тёплой, мягкой постели, укутанная в одеяло, а он — там, на холодном полу.

— Ты можешь лечь ко мне, — наконец тихо произнесла я, сама удивляясь собственной смелости.

— Я много ворочаюсь, — осторожно предупредил Кайл.

— Я потерплю.

— Ты уверена?

— Полностью.

Он снял уличную одежду и лёг рядом. И в тот момент я почувствовала странное, тихое счастье — такое, что его даже словами не опишешь. Просто он был рядом, и больше ничего не нужно было.

Не пойму, как это произошло. Время будто растворилось, потеряло значение. Через несколько минут мои руки сами потянулись к его лицу, словно хотели убедиться, что он насто-

ящий. А ещё через мгновение я почувствовала его прикосновения, его поцелуи — неторопливые, осторожные, будто он тоже боялся спугнуть это хрупкое, только что родившееся чувство.

В ту ночь мы оба стали чуточку взрослее — не потому, что сделали какойто большой шаг, а потому, что впервые по-настоящему открыли друг другу свои сердца. И мир, ещё недавно казавшийся таким простым и понятным, вдруг стал глубже, сложнее и бесконечно дороже.

Глава 3

Чикаго. 2026 год.

Взрослая жизнь — это тонна ненужных бумажек, бесконечная гонка за успехом и извечное желание угодить начальнику. Порой кажется, что с возрастом мир будто тускнеет, теряя прежние краски.

Будто кто-то потихоньку выкручивает яркость: исчезают те самые мгновения, когда достаточно было просто стоять у озера и смотреть, как солнце садится за холм. Вместо этого появляются графики, дедлайны, списки дел, которые никогда не заканчиваются. Ты просыпаешься с мыслью о том, что должна успеть, и засыпаешь с чувством, что опять не успела. И в этой постоянной спешке теряется что-то важное — та самая тишина, в которой слышно собственное дыхание.

Иногда я ловила себя на мысли, что скучаю не по детству даже, а по ощущению, что впереди — бесконечность. Что день может тянуться сколько угодно, что можно заблудиться на знакомой тропе и радоваться этому, потому что само блуждание и есть приключение. А теперь каждый день будто расчерчен на квадратики: вот тут — работа, тут — обязанности, тут — попытка кому-то понравиться, тут — усталость, которую никто не считает за причину остановиться.

И самое странное — ты вдруг замечаешь, что всё чаще говоришь «надо» и всё реже — «хочу». «Надо доделать отчёт», «надо быть вежливой», «надо соответствовать». Слова «хочу» будто стираются из словаря, потому что кажутся слишком детскими, слишком несерьёзными для взрослого человека. А потом однажды стоишь посреди привычной суеты и вдруг понимаешь: ты так долго старалась быть правильной, что забыла, какой ты была, когда просто радовалась венку из полевых цветов.

Но, может быть, дело не в том, что мир стал тусклее. Может, дело в том, что мы сами стали смотреть на него сквозь стёкла, на которых осела пыль повседневных забот. И иногда достаточно просто остановиться, протереть это стекло — и увидеть, что где-то сбоку всё ещё пробивается солнечный луч, что трава по-прежнему зелёная, а лошади всё так же фыркают, когда им что-то не нравится.

Может быть, взрослая жизнь — это не про то, чтобы отказаться от своих «хочу». Может, это про то, чтобы научиться вписывать их в эти бесконечные квадратики расписания. Чтобы среди всех этих бумажек и дедлайнов оставалось место для чего-то настоящего: для чашки чая в тишине, для прогулки без цели, для венка, который ты плетёшь просто потому, что хочется.

И тогда мир снова начнёт играть красками — не такими яркими, как в детстве, но своими, взрослыми, глубокими. В них будет не только радость, но и усталость, и грусть, и благодарность за маленькие победы. И, возможно, именно в этом и есть настоящая красота — не в вечной яркости, а в умении замечать свет даже там, где кажется, что его совсем не осталось.

— Джессика Морган, зайдите ко мне в кабинет!

Та самая фраза, от которой внутри всё сжималось, будто кто-то резко дёрнул невидимую струну. Я слышала её столько раз, что уже научилась различать оттенки голоса начальника: если тон чуть мягче — значит, будет «напутствие» с видом заботы; если ровный, без эмоций — скорее всего, очередная порция критики с аккуратной припиской «для твоего же блага»; если чуть громче обычного — значит, опять что-то не так, и сейчас мне предстоит узнать, в чём именно я не дотянула.

Я застывала у двери, сжимала папку с бумагами так, что пальцы белели, и ловила себя на мысли, что эти секунды перед стуком — самые долгие. В них умещалась вся моя взрослая жизнь: бесконечные отчёты, попытки угадать, чего от меня хотят, желание быть «удобной», чтобы просто не услышать в конце фразы холодное: «Может, ты не справляешься?»

И каждый раз, переступая порог, я будто оставляла за спиной что-то своё — ту Джессику, которая когда-то плела венки из полевых цветов и чувствовала, что мир принадлежит ей. Здесь, в этом кабинете с одинаковыми серыми стенами, с календарем, который никто не переворачивает вовремя, и с чашкой остывшего кофе на краю стола, она казалась чужой, почти смешной. Будто детство — это что-то, что нужно спрятать, как старую игрушку, чтобы никто не подумал, что ты недостаточно серьёзная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.